

Когда на сцену выходит Владимир Минин и зал стихает после приветственных оваций, когда по взмаху его руки происходит чудо — трепет голоса хора передается нам трепетом душевным, кажется: вот он — человек счастливой творческой судьбы, в которой талант справедливо отмечен удачей. Но счастье, успех — понятия сиюминутные и недолговременные. Только тот познает истинную радость успеха, кто шел к нему нелегким путем сомнений, труда в поте лица своего.

Сегодня, наверное, трудно представить, что он, руководитель самого популярного хора в стране — Московского камерного, чьи концерты сопровождаются неизменными аншлагами в Сибири и Москве, Токио и Париже, записи которого сразу же становятся чуть ли не фонофонической редкостью, познал горечь разочарований. Но такова диалектика его судьбы, его личности, характера, сумевшего преодолеть многие препятствия на пути к народному признанию.

Я встретила с Владимиром Мининим как раз в те дни, когда ему было присвоено звание народного артиста СССР. С поздравлений на этот раз и началась моя с ним беседа.

— Владимир Николаевич, а как вы относитесь к почетным званиям?

— Двойко. Возможно, не все помнят, что Петр Ильич Чайковский был почетным доктором Кембриджского университета. Все помнят и любят Чайковского. Поэтому все звания — просто приставка. Магия гирлянды званий действует только тогда, когда ее объявляют в начале концерта. Но достаточно зазвучать музыке, как тут же становится ясно, оправдывает ли человек эту гирлянду или нет. Так что, я думаю, звание вовсе не обязательно, а может быть, даже вредно. Гораздо важнее не количество званий, а создание условий, когда человек искусства трудом своим должен доказывать свое единственное звание — артист. Свое право выходить на сцену. Вот в некоторых странах нет званий, и даже человек, создавший себе имя, авторитет, обязан ежедневно доказывать свое право выступать перед публикой.

Однако в тех условиях, в которых мы живем, звание может помочь артисту давая ему право на сольное выступление, ограждая его от нападков завистников, недоброжелателей, сохраняя его энергию, направленную не на «оборону», а на созидание.

— Владимир Николаевич, вы были героем разных газетных публикаций. Сотен восторженных статей в советской и зарубежной прессе. Но были и горькие для вас. Как эти публикации влияли на ваше самоощущение, на взаимоотношения в хоре?

— Когда мы узнали правду о судьбе академика Н. И. Вавилова и других честных и преданных своему делу людей, то свои прошлые беды сегодня воспринимаешь как не стоящие разговора, да еще публичного. Тем более что в итоге моя художественная идея воплощена в жизнь, значит, восторжествовала правда.

В жизни было много трудных коллизий, но всякое негативное действие в отношении меня рождало и действие позитивное. Это и под-

Владимир Минин:

ЕДИНСТВЕННЫЙ КАМЕРТОН — СОВЕСТЬ

держка моих друзей, камерного хора, телевидения и радио, прессы и просто незнакомых мне людей, слушателей. Я ощущал много добра. Оглядываясь назад, я скажу, что благодарен своим недоброжелателям и оппонентам за то, что они воспитывали во мне волю, сопротивляемость.

Я очень рад тому, что сегодня Государственный хор переживает интересное, хотя и трудное время. работает с большим энтузиазмом. Достаточно сказать, что за прошедшее время мы подготовили несколько крупных произведений русских композиторов: кантату «Иоанн Дамаскин» Танеева, кантату Свиридова «Курские песни», ораторию «Иван Грозный» Прокофьева, хоры из опер Мусоргского «Хованщина» и «Борис Годунов» совместно с Большим симфоническим оркестром Гостелерадио под управлением Владимира Федосеева, с участием Камерного хора — крупное сочинение Щедрина «Залпчатленный ангел».

— А с какими проблемами вам пришлось столкнуться в работе с Государственным хором?

— В первую очередь это проблема профессиональной подготовки вокалистов. Сегодня из жизни практически ушла профессия артиста хора. Ни одно учебное заведение артистов-ансамблистов не готовит. Не готовит и певцов, в достаточной мере владеющих технологией вокала. Вина ли в этом учебных заведений? Или их беда? Думаю, что и то, и другое. Дело в том что в консерваторию приходят люди и в музыкальном отношении, и в вокальном малоподготовленные. Корнями это явление уходит в проблемы отсутствия эстетического воспитания в школе. Ведь если взять дореволюционную Россию, то многие артисты хора выходили из огромного количества самодеятельных, а также церковных хоров. Многие мальчишки с детства, с шести-семи лет пели в церкви, естественно с раннего возраста воспринимаемая и наследуя национальную традицию. Сегодня все это растеряно.

Сколько мы знаем воспитанников Московской консерватории, которые смогли стать художественными руководителями концертующих профессиональных хоров, скажем, за послевоенный период? Сколько имен мы можем назвать? Восемь-девять, не больше. Не гус-

то. Не слишком ли мал кпд за 40 лет? Вот и возникают каждый раз проблемы с назначением художественных руководителей в московские коллективы. Так что состояние хорошего искусства, уровень руководства коллективами, профессионализма певцов не то что тревожны. Они, на мой взгляд, катастрофически катятся вниз.

Кстати, как так может быть, что в Москве более 15 профессиональных хоров, масса вокальных ансамблей, а количество профессионально обучающихся певцов не обеспечивает их потребности? На почве кадрового голода возникает много художественных и человеческих проблем.

— А были ли замыслы, которые вам не удалось осуществить? Не по вашей воле? Что-то запрещалось, наталкивалось на препятствия?

— Я скажу так. Можно было бы иметь го-

раздо больше замыслов. Я всегда был человеком, достаточно реалистично мыслящим, и старался осуществить только то, что позволяли условия. Но организационные и финансовые условия деятельности профессиональных хоровых коллективов как, впрочем, и всей нашей системы концертной работы, безусловно, требуют гораздо лучшего.

— Да, но тем не менее вы делали то, что удавалось далеко не всем. Я имею в виду исполнение, например, «Литургии» Рахманинова.

— Мы уже 17 лет поем русскую духовную музыку. И не только духовную, но и канты, застольные песни, обрядовые и т. д., словом, пласт музыкальной культуры, до недавнего времени не изведанный. Его первым начал осваивать Александр Александрович Юрлов. Прямо нам не говорили, что «больше не пойте». Но понять это давали.

Скажу откровенно, мне иногда приходилось хитрить. Вот я говорю: «Мы споем в концерте «Литургию». Меня спрашивают: «А вы получили разрешение?» И при этом поднимают палец вверх. Я говорю: «Получил». Естественно, никакого разрешения у меня и в помине не было. Но я тогда шел туда, куда показывал палец, и приглашал этого человека на концерт. Он мог прийти или не прийти, я в обиде не был. Но я всегда мог сказать, что я приглашал! Он дал свое согласие, а это как бы косвенное разрешение. Теперь я могу рассуждать об этом с улыбкой. А тогда было не до смеха.

— Но теперь наступили другие времена. Мы наконец поняли самоценность русской духовной музыки. Празднование тысячелетия крещения Руси наглядно это показало.

— Культурное наследие прошлого, нравственные ценности постепенно займут свое, подобающее им место. Замечательно, что теперь не надо на пластинке указывать: «Рахманинов Семь хоров, ор. 31» (под таким названием вышли в 1980 году хоры из «Литургии»). Вы понимаете, какое двусмысленное ощущение было? Как будто ты выносишь людям им же принадлежащие ценности тайком (хотя тогда и этому радовались!). Тебе-то точно известно и более чем понятно — по твоим внутренним убеждениям, — что ты делаешь чрезвычайно важное дело, говоря людям: вот есть такая музыка в России.

Я вспоминаю один концерт в Свердловске. Обычно, когда выступаешь, не замечаешь в зале отдельных лиц. Следил за ходом концерта, его темпоритмом. А тут буквально перед сценой я вижу лицо молодой девушки. И она плачет! Потом я неоднократно задумывался, искал ответ — почему? Угадал или нет — неважно. Важно то, что музыка эта затронула душу, разбудив в ней какой-то генетический код. Вот если говорить, во имя чего наш хор существует, так вот ради этих слез, очищающих и возвышающих человека. Ради того, чтобы человек распрямлял свою душу, чтобы он становился Человеком.

Почему люди тянутся к старинной русской музыке? Да и не только к ней, но и вообще духовной музыке России? В этом сказывается стремление более пристально взглянуть на свое национальное прошлое, познать, чем люди жили, что их волновало, каковы были их помыслы. И еще в этом я вижу интерес, стремление к высокому, нравственному, этическому.

Беседу вела
В. КОЛОСОВА.

● Владимир Минин.

Фото В. Ахломова.